

Аркадий и Борис
СТРУГАЦКИЕ

Аркадий и Борис
СТРУГАЦКИЕ

БЕССИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В54

Серия «Лучшие книги братьев Стругацких»

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Витицкий, Сергей.

В54 Бессильные мира сего : [фантастический роман] / Сергей Витицкий. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Лучшие книги братьев Стругацких).

ISBN 978-5-17-126981-4

В этот том вошел «сольный» роман Б. Н. Стругацкого «Бессильные мира сего», опубликованный им под псевдонимом С. Витицкий, — яркое и интеллектуальное произведение, балансирующее на тонкой грани между философской фантастикой и литературной притчей. Роман «Бессильные мира сего» критики неоднократно сравнивали с наиболее знаковым произведением позднего периода братьев Стругацких — «Градом обреченным».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-126981-4

© А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий,
наследники, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Какое чудо, если есть
Тот, кто затеплил в нашу честь
Ночное множество созвездий!
А если все само собой
Устроилось, тогда, друг мой,
Еще чудесней!

Александр Кушнер

Это будет рассказ о чудотворце,
который живет в наше время и не
творит чудес. Он знает, что он чу-
дотворец и может сотворить любое
чудо, но этого не делает.

Даниил Хармс

Глава первая

СЕНТЯБРЬ. ВАДИМ ДАНИЛОВИЧ ХРИСТОФОРОВ ПО ПРОЗВИЩУ «РЕЗАЛТИНГ-ФОРС»

— Сегодня я во сне покойного отца видел,— сообщил Тимофей Евсеевич с крайней озабоченностью в голосе.— Значить? Что-нибудь плохое случится обязательно...

Вадим посмотрел на него без всякого интереса и, ничего не ответив, снова углубился в вычисление средних взвешенных. Ему оставалось обработать еще два последних ряда

наблюдений, а Тимофей Евсеевич Сыщенко ни в каких его ответах и тем более комментариях не нуждался. Он в очередной раз починял примус. Бензиновый, бесшумный, новейший (чудо конверсии с реактивной тягой) и потому особенно охотно засоряющийся. Казенный.

Жара уже подступала. Ветерок, поднявшийся было с утра, совсем стих, день снова обещал стать томительно жарким, потным и изнуряющим. Небо было чистое, совсем без облаков, но Бермамыт и Кинжал у самого горизонта на востоке и на западе затянуты были сизой дымкой, словно там кто-то тайно палил невидимые костры.

Вадим закончил обработку ночных наблюдений, убрал записи в папку, посмотрел на Эльбрус, призрачный, почти прозрачный на белесоватом чистом небе и почему-то вдруг вспомнил, что давным-давно ничего не писал в дневник. Он сходил в командирскую палатку, выкопал дневник из-под ночного обмундирования и снова уселся за столик. Полистал. Зацепился за какую-то запись. Стал читать.

«14.08. ...Хребет хорош, он похож чем-то на лунные хребты. Эльбрус страшен и странен над тучами. А наш Харбас порос коротенькой травкой и жиденькими синими цветочками. Летают шмели и жадно и грубо в эти цветочки вцепляются, словно хотят их тут же изнасиловать. Утром вдруг раздалось шипенье крыльев и отчаянный крик. Пронеслась тень, и под машину забилась перепуганная насмерть пичужка. Оказалось, это была неудачная атака сокола...

...Тенгиз говорил, что нельзя долго оставаться в контакте с Богом, сохраняя при этом здравый рассудок. Кажется, это из Умберто Эко. Или нет? Неважно. Главное — сильно сказано...

*За то, что пока живые, исправно идут полевые,
За то, что туманы злые, за то, что в горах обвал.*

*Здесь только кручи, да зыбучий перевал,
И в медленных тучах Харбас, Бермамыт, Кинжал...»*

«16.08. Стоит Командору уехать, и что-нибудь обязательно случается. На лагерь напали коровы. Здоровенный серый бугай с громоподобным силным рычанием принялся тереться об антенну и моментально сорвал противовес. Коровы подошли и стали шеренгой, тупо глядя на лагерь. Бугай был столь величествен, что я сначала было решил трусливо отлежаться в палатке, надеясь, что все как-нибудь само собою утрясется. Но бугай пригласил чесаться еще трех коров (видимо, самых любимых), и они начали шумно мочиться у меня над ухом, а все стадо двинулось прямо на лагерь. Тогда я судорожно зарядил ружье и пошел искать пастуха. Пастуха, разумеется, нигде не было. Тогда я вернулся (коровы тем временем подошли вплотную) и заорал бугаю: “У-у!” и замахал на него руками. Бугай ответил: “У-у!” и сделал шаг вперед. Я, трепеща, кинулся за командирскую палатку и оттуда заорал уже коровам: “Пошли вон — туда вас и растуда!!!” Коровы отшатнулись. Тут меня осенило. Я взял канат, стал им хлопать, и крутить, и вопить “У-у!”, но обращаясь при этом исключительно к коровам. Коровы, будучи всего лишь женщинами, дрогнули и стали отступать. Бугай оценил мою деликатность и тоже стал небрежно удаляться, по пути заигрывая с коровами. Потом они все ушли. Мораль: никогда не ори на начальника — ори на подчиненных и терпеливо ожидай, пока до начальника дойдет, в чем дело и как ему поступать надлежит...»

«18.08. ...В палатке было темно. — Эй, хозяин, — позвал я негромко. Никто не отозвался. Я присел на корточки и пошарил рукой. Я нащупал ногу в сапоге и дернул, по возможности деликатно. Нога мотнулась у меня под рукой и снова застыла. — Хозяин! — позвал я, уже понимая, уже догадываясь, что дело — дрянь. Человек в палатке молчал. И вдруг я

почувствовал, что у меня стало холодно внутри. Человек не дышал.

Я полез в карман ватника и чиркнул зажигалкой. Ветер колебал синенький огонек, но я разглядел человека целиком. Он лежал навзничь, вытянувшись, бессильно положив ладони рядом с телом, и смотрел в низкий потолок прикрытыми глазами. Лицо у него было разбито, и кровь засохла черными пятнами, и черные пятна засохла на больших широких ладонях...»

Вадим не стал читать дальше. Он только исправил «низкий потолок» на «провисший» и перебросил сразу несколько страниц текста.

«20.08. Ночью грянул ураган. Вдруг погас примус, палатку рвануло, и что-то на меня навалилось. Вырвало два кола. Унесло: стол — на 10 метров, крышки от кастрюли — на 20 метров, миску — на 50 метров... Вот пришло в голову: всякий альтернативный вариант истории содержит больше социальной энтропии, нежели реально осуществившийся. Или другими словами: история развивается таким образом, чтобы социальная энтропия не возрастала. Вторая теорема Клио. (А как же Смутные времена? Чингиз-ханы, Тамерланы, Аттилы? Это — микропространства истории, микрофлуктуации. И вообще, кто знает: если бы Темучина придумал в детстве дифтерит, может быть, появился бы такой его заместитель, который вообще сжег бы полмира)...»

«21.08. Опять один. Сражаюсь с коровами как лев. У всякой убегающей коровы хвост вытянут, а кончик хвоста расслаблен и болтается свободно. Кажется, что корова насмешливо делает тебе ручкой. Должен отметить, что самое страшное на свете животное — корова. (Хантер не прав: он считает, что леопард; какая ерунда!) Я был разгромлен. Противовес срывали дважды, рация не работает. Два раза мне удалось опятить бугая, но в третий раз он зашел с запада, оказавшись внезапно у меня за спиной, и стал в трех шагах.

Он рыл копытом землю, уставлял рога и с сипением разевал пасть — видимо, грязно ругался...»

Последняя запись была недельной давности:

«29.08. Сижу один. К ящичку прислонена дубина, рядом пирамида бульжников. На психрометре лежит рогатка с запасом зарядов. Жду врага, но враг от жары настолько ошалел, что даже и не нарывается — только чешется остервенело об триангуляционный знак третьего класса...»

Он взял ручку, снова поглядел на Эльбрус, вдохновляясь, и стал писать: *«Вот и еще неделя прошла,— писал он. — Неплохая была неделька — жаркая и без дождей с градом. Хотя по утрам иней уже выпадает, и мерзнет нос, высунутый из спальника. Время идет, а записывать совсем не хочется. Сидим на Харбасе, теперь — с Тимофеем. Каждый день одно и то же. Встали, поели горохового супа и — читать-перечитывать старые журналы. И, конечно же, споры обо всем, переходящие на личности. Потом вечер, разжигаем примус, запаливаем свечу и — шахматы, какао и снова споры обо всем, переходящие на личности. Тимофей — странный человек. Командор как-то сказал про него (с задумчивостью в голосе): “Интересно, сколько «С» в слове «Сыщенко»?..”»*

Странный человек Тимофей подал голос:

— Пожалуйте вам. Принимайте гостей. Давно не виделись.

Это, оказывается, Магомет пожаловал. Во всей своей дикой грязноватой, небритой, хищной, горбоносой красе, наводящей на Тимофея Евсеевича спасительный первобытный ужас. На этот раз он, элегантно скособочившись в седле, держал в правой руке эмалированное ведро. Как тут же и выяснилось — с мясом. Точнее — с бараниной.

— Начальство посылает,— объяснил Магомет, остановивши лошадь и передавая ведро Вадиму.

Вадим принял ведро и позвал:

— Тимофей Евсеевич. Будьте так добры.

Тимофей выскочил из-за кухонной палатки, схватил ведро и тотчас же с ним скрылся на своей территории — только зыркнул настороженно из-под неопрятных бровей на Магомета. Магомет, очень довольный произведенным впечатлением, блеснул двумя рядами стальных зубов и сказал ему вслед:

— Ведро верни, да?

Вадим предложил:

— Спешься. Посидим.

— Спасибо, с утра сижу, — ответил Магомет в своей обычной манере.

— Чайку поьем, — настаивал Вадим.

— Спасибо. Ехать надо. Начальство. Гостей ждешь? — спросил он вдруг.

— Гости? Откуда здесь гости. Никого не жду.

— А командир где?

— В разведку поехал. Вечером вернется.

Тимофей Евсеевич снова обнаружился рядом, теперь уже с опустошенным ведром. Магомет принял ведро, подбросил его в руке, посмотрел направо, посмотрел налево, сказал небрежно:

— Значит, гостей не ждешь? — и не дожидаясь ответа, тронул лошадь.

— Эй, Магомет! Когда быка от нас заберете? — спросил Вадим ему в спину.

Магомет сел в полоборота и проговорил наставительно:

— Это дурной бык. Ты — бери камень и бей его между рогами. Изо всей силы. Он другого ничего не понимает. Дурной бык. Бери большой камень, и — между рогов...

— Свежее решение, — сказал Вадим уже ему в спину. — Изменим жизнь к лучшему.

Магомет больше не оборачивался — слегка покачиваясь в седле, он спускался по склону — без всякой дороги, по осы-

пи, на север, в сторону затянутой сизой дымкой каменной горы, знаменитой не только своим чарующим именем «Тещины Зубы», но еще и автомобильным спуском, название которого в переводе означало «Вредно Для Души».

Подавал голос Тимофей Евсеевич:

— Дрянное мясо,— сказал он сварливо.— Что с ним делать прикажете? Мы на нем себе последние зубы поломаем.

— Сделайте харчо,— предложил Вадим.

— Ну да... Харчо... Харчо вредно.

— Ну, сделайте баранью похлебку. С чесноком. И с макаронами. Снотворное и слабительное в одном флаконе. Не только вредно, но и вкусно.

Тимофей Евсеевич ничего на это не ответил, только принялся активно брякать какими-то своими тарелками-кастрюлями, а потом вдруг запел тоненьким голосом:

Чому мне ня петь, чому ня гудеть,
Коли в маей хатаньке парадок и деть?..

Томительная жара окончательно установилась и теперь стояла вокруг, воздух струился и дрожал над восточным склоном, и вдруг там бесшумно возникли и словно поплыли сквозь это дрожание пятнистые коровьи туши, рога, помахивающие хвосты, слюнявые морды. Вадим, задремывая в кресле, следил за ними слипающимися глазами. А Тимофей Евсеевич все тянул, все зудел печально и не переставая:

Мушка на акошечке на цимбалах бье,
Паучок на стеночке кресаньки тке.
Чому мне ня петь, чому ня гудеть,
Коли в маей хатаньке парадок и деть?..

Потом он вдруг резко сам себя оборвал и сказал как бы с недоумением:

— Наши едут?

Вадим тут же проснулся и прислушался. Ничего не было слышно, кроме шипения примуса.

— Не может быть, — сказал он. — Откуда? Двух часов еще нет.

— А я вам говорю, что слышу. Машина едет. Оттуда.

Вадим снова прислушался. Кажется, и в самом деле раздавались какие-то посторонние звуки, но это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой и — из суеверия и из чистого упрямства — он сказал:

— Да не может этого быть. Ясно же было сказано: не раньше девятнадцати, а скорее — позже.

— Хорошо-хорошо, — легко согласился Тимофей Евсеевич. — Пусть будет такочки...

Он стоял посреди своего хозяйства (примусы, тарелки, миски, вилки-ложки, ведра, канистры) и, сложив обе руки козырьком, смотрел на юг, в сторону дороги. Он соглашался исключительно и только потому, что был уверен в своей безусловной правоте. И чем увереннее он себя чувствовал, тем легче соглашался. Оппоненту полагалось самому, лично, без всяких дополнительных аргументов и его, Тимофеевых, усилий убедиться в том, что посрамлен. Это у Тимофея Евсеевича был такой высший пилотаж ведения диспута. На любую тему.

На дороге, из-за зеленого бугра, показалась автомобильная крыша, и сразу же сделалось ясно, что великий спорщик и победитель дал на этот раз маху — крыша была черная, блестящая, роскошная, совсем в этих местах неуместная: крыша большого, богатого, очень богатого, неприлично богатого автомобиля.

Потом и сам автомобиль появился — выполз с натугой из-за бугра — черный, сверкающий на солнце, угрюмо роскошный «джип-гранд-чироки», «сухопутный крейсер», по пояс залепленный серой подсохшей грязью. Выполз и сразу

остановился, словно дальше ехать духу ему не хватало, постоял неподвижно несколько секунд, уставясь всеми своими двадцатью фарами, подфарниками и прожекторами, а потом распахнул разом четыре дверцы и принялся неторопливо и как бы нехотя извергать из себя пассажиров.

— Кто такие? — спросил Тимофей Евсеевич. В голосе его был страх.

— Не знаю.

— А почему это Магомет говорил, что вы ждете гостей?

— Он такого не говорил.

— Но я же сам слышал! — возразил Тимофей Евсеевич, и в голосе его взвизгнула истерика.

Трое шли к ним от джипа, и еще несколько осталось у машины, но Вадим смотрел только на этих троих. Собственно, он смотрел только на того, что шел посерединке — изящный, небольшой, очень аккуратный человек, весь в сером, элегантный, даже, кажется, с тросточкой. Старый знакомый. Он шел легко и споро, но без всякой, впрочем, торопливости — шел так, как ему было удобно идти, шел заканчивать дело, начатое еще в Петербурге, не законченное тогда, а теперь нуждающееся в быстром и эффективном завершении. Так ходят энергичные молодящиеся политические деятели перед объективами телекамер — решительно, напористо и целеустремленно. Узконосые штиблеты его аристократически сверкали на солнце, совершенно неуместные здесь, в мире кирзовых сапог и грязных кроссовок.

Слева от него, чуть отставая, вышагивал здоровенный шкаф, на полторы головы выше, обтянутый кожаной курткой, круглоголовый и, кажется, лысый, а может быть, выбритый наголо — Вадим не стал его рассматривать, как не стал рассматривать и третьего — маленького, на вид совсем безвредного, мелкого, узкоплечего, с большой головой в кожаной кепке и в коричнево-зеленом камуфляже.

— Что за люди, никак я не могу понять...— бормотал Тимофей Евсеевич,— зачем они там остановились? Подъехать не могли?..— бормотал он, и еще что-то полуразборчивое и уже совсем в отчаянии.

Трое стремительно надвинулись и подошли уже почти вплотную. Серый знакомец приветливо помахал своей тросточкой, которая у него была вовсе не тросточка, а что-то вроде черной полированной указки, с которой он, видимо, всегда ходил. Не расставался. Как британский офицер со своим стеклом.

Здоровенный носорог обогнул хозяйственную палатку справа и остановился почему-то рядом с Тимофеем, возвышаясь над ним, словно Голем, и теперь видно было, что он никакой не бритый, а именно лысый — с остатками рыжего пуха над ушами и с конопатым теменем, на котором уже и пуха не оставалось. Морда у него была круглая и неприятно асимметричная, словно он страдал флюсом.

Серый же со вторым своим спутником обогнул палатку слева и подошел к Вадиму со словами:

— Здравствуйте, здравствуйте, Вадим Данилович. Вот мы и снова свиделись. Что я вам говорил?..

Вадим смотрел, как он небрежно и элегантно усаживается за стол (без всякого приглашения), задирает ногу на ногу, сверкает покачивающимся штиблетом, тросточкой своей лакированной сверкает — черной остроконечной указкой с шариком на конце.

— У вас такой вид, Вадим Данилович, будто вы забыли как меня зовут... Или не забыли?

— Не забыл,— сказал Вадим сквозь зубы.

— Замечательно. Поговорим?

— О чем?

— Да все о том же. Запомнили?

Вадим молчал.

— Напомнить?

Вадим молчал, глядя на него исподлобья. Человек в сером улыбался — вежливой необязательной улыбкой светского льва, ведущего необязательный разговор о погоде. Или о политике. Или о футболе.

Большеголовый мелкий человечек в камуфляже, садиться не стал, хотя свободные стулья располагались тут же, на виду. Он прислонился спиной к наблюдательному столбу и сложным образом переплел тощие свои ноги. Он тоже улыбался, но как-то рассеянно, словно был далеко отсюда и думал совсем о другом. В сочетании со змеиными неподвижными глазками улыбка эта смотрелась странно и неприятно. Руки он держал в карманах куртки и все время шевелил там, в карманах, пальцами, словно что-то там, в карманах, разыскивал или ощупывал.

А здоровенный носорог нависал над Тимофеем, словно Идолице Поганое, — неподвижный, огромный, неуклюжий, будто бы надутый изнутри. Бедный Тимофей Евсеевич сидел под ним на корточках, боясь пошевелиться — зрачки у него были во всю радужку и судорожно бегали и дергались, похожие на издыхающих головастиков.

— Это вы что же — через всю Россию перли сюда, чтобы опять говорить об этих глупостях? — спросил Вадим сквозь зубы.

— А я вас сразу предупредил, что наш разговор — серьезный. Вы к нему несерьезно отнеслись, но это уж ваша проблема. Есть люди, которые все это глупостью отнюдь не считают...

— Ну и напрасно. Я уже вам все и совершенно ясно сказал...

— Стоп. Так у нас ничего не получится, — сказал серый человек с выраженным сожалением. У него было странное имя-отчество: Эраст Бонифатьевич. Впрочем, ниоткуда не следовало, что его и на самом деле так зовут. — Давайте